

Глава II СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ТАМГ

Длительное противоречивое отношение между Крымом и адыгами обуславливалось экспансионистской политикой этого государства по отношению к народам Северного Кавказа, с одной стороны, и наличием влиятельной политической группы, династий и прокрымской ориентации — с другой.

Частые политические конфликты внутри Крыма заставляли ханов «еще в XVI в. создать из адыгов специальное военное поселение» [253, с. 114]. Использование ханами горского обычая аталычества в своих целях привело к тому, что часть адыгских феодалов «считала своим монопольным правом воспитание детей крымских ханов» [253, с. 114].

Широко практиковались и династические браки. Так, например, в 1616 г. «бесланеевский князь Хакегя назван шурином крымского хана» [285, с. 150], в 1725 г. «Росланбек Кайтукин отдал свою дочь за крымского хана Бахта-Гирея» [285, с. 151], первая жена хана Давлет-Гирея была дочерью «черкасского князя Тарзатыко» [287, с. 151]. Мать крымского хана Джанбек-Гирея была дочерью «бесланеевского князя Кануко» [285, с. 151].

Помимо сказанного, нередко тот или иной район адыгской земли становится «местом некоторых неудачных претендентов на крымский престол» [253, с. 114].

Так, например, в конце XVII — начале XVIII в. из-за конфликта «с правительницей Крымского ханства крымский царевич Султан Ислам-Гирей переселился в Адыгею» [130, с. 32].

Конечным итогом этого активного политико-династического контактирования Крыма с адыгами, «игравшими немаловажную роль в жизни этого государственного образования» [253, с. 114], явилось появление в адыгской среде особого сословного компонента — «султанов, гираев или ханов» [130, с. 18].

Поскольку адыги долго находились «в формальном подчинении у татар, территория Кабарды составляла татарскую область» [87, с. 85], то вряд ли частичную тюркизацию миновали определенные части горцев разных сословий. Но в данной работе мы имеем в виду лишь так называемое «впоследствии очеркесившееся» [9 с 22] «верхушечное переселение» [44]. Для роста удельного веса элементов крымского культурного слоя в среде адыгов важным фактором явился увод в 1641 г. «верховными князьями Кабарды Алигуко Шогенцуковичем, Хатокишуко Казиевичем... на Кубань

свое удельно зависимое население т е всю Большую Кабарду без Татлостанея» [288, с. 51]. Рассмотреть во взаимосвязи графических основ тамг фамилии знатных сословий, письменных источников, архивных данных эпиграфических памятников, фольклора — важная исследовательская задача.

В краеведческой литературе господствующей является гипотеза, согласно которой пришлость части адыгских феодалов является всего лишь идеологической уловкой правящих классов. В решении этого вопроса фамильные тамги адыгов могут послужить немалым подспорьем.

Графической основой фамильной тамги крымских ханов является прямоугольный трезубец, который, в зависимости от того, вверху или внизу находится средний отросток, легко превращается в двузубец.

Еще в 1907 г. Н. А. Караулов, изучавший балкарские тамги, заметил, что лирообразный знак острием вверх и разделенный симметрично продольной линией (см. третью тамгу на рисунке) является «составляющим тамгу династии Гиреев» [98, с. 69]. Кабардинский фольклор упрямо приписывает высшим кабардинским дворянам Куденетовым, Тамбиевым пришлое: крымское, ногайское происхождение. Тамга ханской графической основы при положении - трезубец — имеет три основных варианта и столько же и в положении — двузубец. Такие тамги сразу заметны в наших каталогах.

Не отвергая мнения профессора Л. И. Лаврова о грузинском [130, с. 124] происхождении фамилии Анзоровых, мы же склонны предположить крымско-тюркское происхождение всех указанных фамилий. Известно, например, что тамга, абсолютно сходная с тамгой Анзоровых, но венчиком вниз, была «у одной из древней фамилии Крыма... у ширинского бея» [289, с. 402]. Мало того, один из ведущих ордынских родов Батбай тоже имел «тамгу в виде круга с крестиком» [165, с. 115]. К этимологической нехарактерности для адыгского языка антропонимов: Тамби Куденет, (от тюрк.: Худайнад), Анзор — следует добавить, что имя «Бек-Султан сын Худайнада» зафиксирован исследователями «мавзолеем на левом берегу Сунжи 1405—1406 года» [42, с. 48]. Принадлежал он известному феодалу из тюркоязычного племени борган. Л. И. Лавров посчитал их кумыками, «которые ранее конца XVI века переселились в центральную часть Северного Кавказа, в течение длительного времени жили по соседству с кабардинцами, частично смешавшись с ними» [42, с. 48].

Интересным дополнением к этой взаимосвязи является то, что об этой сословно-политической связи в прошлом знали и исследователи прошлого, и сами представители сословия кабардинских дворян: Ш. Б. Ногмов называл их «переселившимися иностранными дворянами» [185, с. 107]. Весьма своеобразно эту связь интерпретировал В. Н. Кудашев: «Во время нашествия монголов фамилии эти (Тамбиев, Куденетов Анзоров.— Х. Я.) были подчинены власти ордынских ханов» [117, с. 152]. По сообщению Л. Я. Люлье, в среде адыгских тлекотлешей некогда бытовала своеобразная поэма, на которую те ссылались как на документ, «доказывающий древность их происхождения, и оспаривают право дворянства» [138, с. 14]. Наконец, изречение из этой поэмы «хон-я-бюн терь яй» так буквально и переводится: «мы принадлежим к ханскому роду» [117, с. 14].

Аналогичное фольклорное предание никак не могло игнорироваться в адыгском, феодальном обществе, где «генеалогическое предание выполняло функцию действенного социально-политического и идеологического фактора» [49, с. 26].

В плане изучения адыго-крымских сословных взаимосвязей через призму тамг интересным является работа исследователя М. Я. Чорев, выявившего на стенах средневекового укрепления в Крыму несколько тамг, которые автор считает адыгскими [253, с. 120].

Инфильтрация представителей соседских феодальных кругов в структуре горской знати происходила и на остальных ступенях феодальной иерархии. Так, например, в документе 1616 г. значится «князь Большого Ногай Иштерек» [89, с. 192], а в 1640 г. Ещеречка (адыгизированная форма ногайского имени Иштерек, от которого, на наш взгляд, произошла кабардинская фамилия Ещтрэч — Ештрековы) упоминается уже как «дворовый уздень» [89, с. 192] своих кабардинских соседей, князя Муцала Сунчалеевича Черкасского [89, с. 192]. Аналогичными очеркесившимися ногаями [9, с. 30] являются «фамилии Едиге... Цей» [138, с. 14,18].

Подобные сословные интеграции в кабардинскую среду происходили вплоть до XIX в. Таковы, например, данные переписи 1825 г. Кабарды, где сказано: «...уздень Аслан Мирза Тутуков из ногайцев», «второй степени уздень барагунского князя Асланбека Темезова Сабаний Кайдаов», «родом из тарковских узденей эфенди Махты Амирханов», «уздень Далоткирей Матов... из кумык», «родом из барагун Салатгери Дыдымов»; из балкарских старшин «Аитек Мшаков» (Мисаков.— Х. Я.); «родом из дигорских узденей Долотуко Алиев», из абазин «первостепенный уздень Калмык Трамов», уздень Ажгери Билятов; из бесланеевцев «3-й степени уздень Хажи Магомат Балкаров» [288, с. 195, 275;

155, с. 187; 67, с. 261, 19, 113].

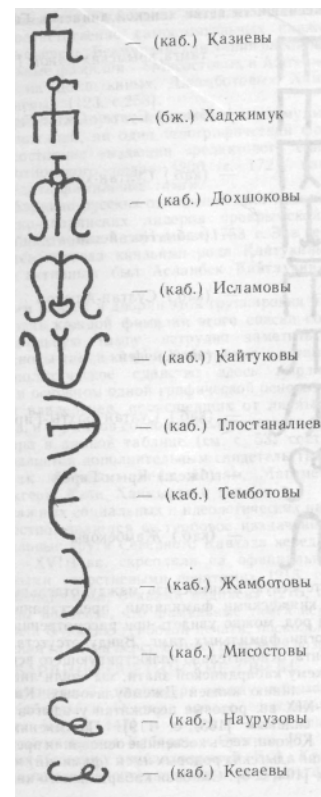
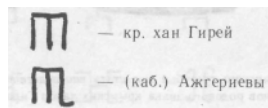
Еще Г. А. Кокиев, описывая участие ногайцев в формировании феодальной знати осетин-дигорцев, объяснял это как «физическими чертами дигорцев» [165, с. 93], так и «тюркскими фамилиями дигорских баделят» [165, с. 93].

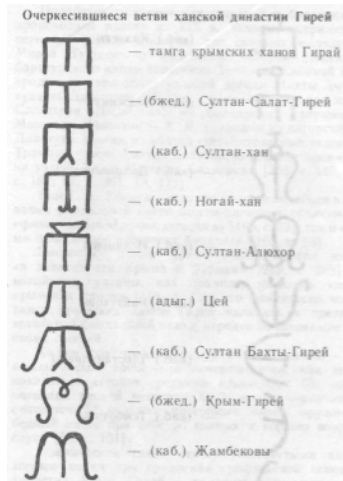
Поскольку долгое время Малые Ногаи находились «в зависимости Крыма и Турции» [289, с. 288], а сами ногайские султаны, как правило, являлись «потомками крымских ханов» [113, с. 138], то фактически носителями тамги крымских ханов Гирей являлись и представители ногайской феодальной знати, нередко пополнявшие сословия своих соседей.

Количество представителей ханских семей—султанов» в адыгейской среде — не исчерпывается, как это может показаться сегодня, редкими единицами. По сообщению очевидца первой четверти XVIII в., «в черкасской земле считается 52 султана, способных носить оружие; самым бедный имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг» [50, с. 161].

Генетическая связь между упомянутыми династиями хорошо видна при сравнении графической основы тамги династии Крым Гирей с тамгами у их очеркесившихся потомков (см. с. 50):

Адыгские князья, взявшие основу тамги крымских ханов Гирей из-за прокрымской политической ориентации:

Интересную взаимосвязь между отдельными кабардинскими княжескими фамилиями, представлявшими некогда единый род, можно увидеть при рассмотрении своеобразной генеалогии фамильных тамг. Ввиду отсутствия на сегодня документа, основательно иллюстрирующего всю генеалогическую схему кабардинской знати, мы взяли лишь одну из его ветвей — линию князей Джембулатовых. Как известно, в XVIII—XIX вв. родовые пережитки у адыгов были сравнительно сильны» [103, с. 119]. По мнению профессора Дж. Н. Кокова, «есть косвенные основания предполагать, что зародыши адыгских родовых имен (фамилий) имелись еще до XVI в.» [104, с. 6]. Сыновья кабардинского князя Жамболата - Кайтуко, Бакмурза, Султанали — явились родоначальниками трех соответственно самостоятельных княжеских фамилий. В свою очередь, Бекмурзинская линия распалась на две самостоятельные фамилии — Мисостовых и Ажгериевых, Кайтукинская — на Докшукиных, Джемботовых, Хамурзиных, Глостаналиевых [123, с.253].

Рассматривая указанную генеалогическую схему, можно заметить, что, пожалуй, ни один этнографический факт не иллюстрирует состояние эволюции «реликтового единства распавшегося отцовского рода» [200, с. 172], как это в состоянии сделать фамильные тамги.

История кабардино-русских отношений дает нам полный список княжеско-дворянских лидеров прокрымской, так называемой «кашкатаовской партии» за 1753 г. Эта верхушка возглавлялась некогда князьями рода Кайтукиных, из которых более активным был Асланбек Кайтаукин [130, с. 248].

Изучив тамги князей и дворян этой группировки и затем поставив напротив каждой фамилии этого списка соответствующую фамильную тамгу, нетрудно заметить связь графической основы тамги князей Кайтукиных с остальными фамилиями — политическое единство здесь выражалось в пользовании в основном одной графической основы. Число имен адыгских владельцев, происшедших от личных имен крымских ханов, и терминов сословие-политического обихода крымского двора в данной таблице (см. с. 53) составляет 22 из 45, что является дополнительным свидетельством этой связи. Это, как правило, имена: Ислам, Магометгирей, Адилгирей, Ажгери, Кази, Ханмырза и т. д.

Одной из важных социальных и идеологических нагрузок тамг, как известно, является ее гербовое назначение [127, с. 103]. Феодалы Северного Кавказа нередко свои договоры XVI—XVIII вв. скрепляли на официальных документах личными «перстневыми печатями» [215, с. 176],

«некоторыми инициалами, буквами надписи» [216, с. 170]. Мы же склонны полагать, что фамильные тамги некоторое время выполняли функцию гербовой печати, поскольку сама практика ношения тамги на перстне имеет солидный возраст.

КАБАРДИНО-ОСЕТИНСКИЕ СВЯЗИ

Союз, заключенный, например, между влиятельными династиями Кабарды и Осетии, вполне естественно был «вассалитетом» [87, с. 147] и «прежде всего классовым союзом феодальных кругов Кабарды и Осетии» [87, с. 147]. В группе тамг Осетии, опубликованной Б. А. Калоевым, встречается характерное сочетание тамг ведущих фамилий этих обществ: кабардинских Анзоровых, Куденетовых осетинских Тугановых.

Эти групповые тамговые тексты, на наш взгляд, призваны были демонстрировать факт покровительства осетинских владельцев Тугановых кабардинскими тлекотлешами, Анзоровыми и Куденетовыми. Именно этим фамилиям, определявшим политические, династические отношения между кабардинцами и осетинами, принадлежат упомянутые тамги.

Характеризуя сословную высоту кабардинских уорков Куденетовых и Анзоровых, документ первой четверти XIX в. называет их «узденями... высоко степенными» [130, с. 50].

Сословную причину мы усматривали и в расположении тамговой коллекции осетин, где тамга Тугановых находится с тремя русскими буквами ГАГ, являвшимися начальными буквами осетин Гагиевых. Здесь тоже соблюдена проетранственная субординация — тамга Тугановых расположена выше.

В составе балкарских тамг, обнаруженных в районе сел. Былым Чегемского района Кабардино-Балкарии, есть и неопознанная тамга осетинского владельца.

В истории взаимоотношений горских феодальных династий существует письменный источник — шиферная плита 1714 г., подтверждающая участие конкретного лица, осетинского владельца Караджаова, в решении межевого вопроса балкарцев. По всей видимости, явление, когда «на балкарском тере в особо важных случаях собирались дигорцы и карачаевцы» [165, с. 92], было традицией того периода.

Еще по сведениям Ю. Клапрота, посетившего Северный Кавказ, кабардинские князья Таусултановы посылали к осетинам «воспитывать своих детей». Соблюдение обычая атальчества между феодалами было выгодно: во-первых, «на этой основе представители социальных верхов... укрепляли классовый союз», во-вторых, за воспитание детей кабардинских владельцев осетинские феодалы получали

«щедрые подарки», и, в-третьих, они же получали «на плоскости землю для поддержания своего существования в горах» [188, с. 145, 154].

Литературные источники позволяют нам рассмотреть картину локализации территорий Осетии, зависимых от кабардинских владельцев и фамилий. Известно, например, что «Дигория вошла в состав удела кабардинских князей Кайтукиного рода», а Тагаурия — в состав удела «кабардинских князей Таусултановых и Тузеровых» [292, с. 11], и что для охраны осетины давали ясак «Алегукке да Хадаждукке мурзе Черкасскими и Зазарукке мурзе Анзорову» [225, с. 137].

КАБАРДИНО-ВАЙНАХСКИЕ СВЯЗИ

Издавна предки адыгов находились в самых тесных контактах с чеченцами и ингушами. Конкретными пунктами совместного проживания были «деревня Брагуны» [87, с. 180] и также «Давлет-Гиреевское» [87, с. 180.] Кабардинские феодалы распространяли свое влияние и на некоторую часть жителей Чечни и Ингушетии [87, с. 180]. Кстати, в этом была заинтересована и сама «нарождавшаяся феодальная верхушка Чечни и Ингушетии» [87, с. 180], искавшая покровительства у кабардинских владельцев.

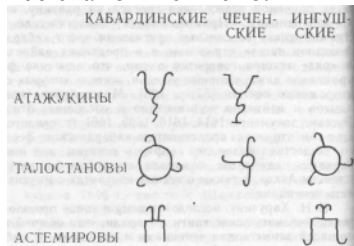
В итоге к XVII в. над ингушами Терского города установилась власть кабардинского князя Сунчалая Янглычевича Черкасского, а в середине XVIII в. под властью «кабардинского князя Давлет Гирея Эльмурзовича Черкасского оказались и чеченские деревни Герменчук и Шали» [87, с. 180]. Кабардинское население в последнем было многочисленным по причине переселения сюда из-за феодальных междоусобиц «некоторых малокабардинских владельцев» [87, с. 180]. А чеченцы и ингуши проживали «в кабардинских селениях Бековича-Черкасского и Таусултановых, расположенных между Эльхотовым и реками Курпом и Тереком. В одном селе Псидахо проживало 664 чеченца... в селах Гайтиев и Эльджаруков 416 чел.» [87, с. 180].

С другой же стороны, в начале прошлого века «160 дворов уорков и крепостных крестьян Кабарды ушли в Чечню» [87, с. 180], куда в 1846 г. вместе с Шамилем последовала немалая часть кабардинцев.

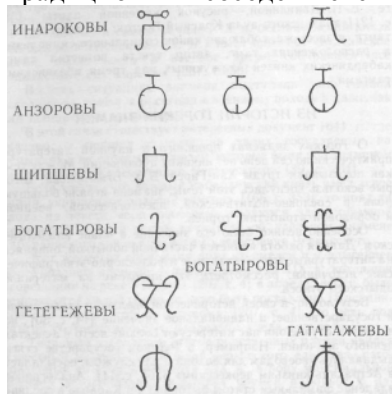
Этими продолжительными контактами объясняется наличие многих чеченцев и ингушей кабардинского и балкарского происхождения, и, наоборот, предки некоторых представителей Кабардино-Балкарии являлись в прошлом вейнахами. Не случайно здесь встречаются фамилии явно вейнахского происхождения: Чеченовы, Ингушевы, Богатыревы, Гетагежевы, Дацирхоевы, Орсыевы, Андиноевы,

Шердиевы, Мальсургановы и др.

Наш каталог чечено-ингушских тамг невелик и составляет всего лишь 27 знаков. Но тем не менее и это незначительное число знаков дает в какой-то мере возможность проследить историко-этническую связь вейнахов с адыгами. Например: из 19 чеченских тамг 13, на наш взгляд, имеют графическую основу кабардинских тамг, а из 18 ингушских они составляют 12 знаков. Четыре чеченские тамги фактически являются вариантами тамги кабардинских князей Таусултановых, в селениях которых проживала часть чеченцев и ингушей. Если вспомнить социальный канон феодального строя этого региона, где жители аула должны были пользоваться лишь тамгой или вариантом своего удельного владельца, то здесь все становится ясно.

Среди тамг вейнахов встречается также и вариант тамги самой влиятельной княжеской фамилии Кабарды Атажукиных и первостепенных кабардинских дворян Анзоровых. Есть также и вариант кабардинских дворян Шипшевых. Среди ингушских знаков вариант тамги кабардинских князей Таусултановых встречается дважды, а 6 знаков являются вариантами тамг кабардинских дворян Астемировых и Инароковых, непосредственно традиционных соседей чеченцев и ингушей.

Нередко нужда в хороших пастбищах и пахотных землях была причиной переселения соседей на равнину, поближе к кабардинцам. Практиковались династические браки. Эпизодические вассальные притязания части кабардинских

феодалов нашли отражение и в преданиях вайнахов, где в «ряде текстов говорится о том, что адыгские феодалы проникали даже в горные ущелья, жители которых ставили сторожевые посты» [57, с 103]. Многообразие контактов адыгов и вайнахов не миновало и сословных отношений. Русские документы 1614, 1616, 1625, 1661 гг. свидетельствуют о том, что не раз представитель кабардинского феодального общества жаловался царям— «князям над окоцкими черкасы», как тогда называли «выходцев из ингушского племени Акко», а также о тесных контактах с мичкизами, то есть чеченцами.

Н. Н. Харузину, исследовавшему в конце прошлого века чеченские, ингушские тамги, говорили, «что обычай таврить лошадей заимствован чеченцами и ингушами от кабардинцев», далее, среди этих тамг есть также экземпляры, «рисунки которых заимствованы у кабардинцев» [89, с. 434, 435].

Как правило, среди чеченских и ингушских тамг попадают варианты тамг таких кабардинских владельцев, как Таусултановы, Бековичи-Черкасские, Инароковы, чьи владения были сопредельны чеченцам и ингушам. По словам Шоры Ногмова, «назрановцы и карабулаки» в одно время вынуждены были платить дань князьям «Мисостовской фамилии» [185, с. 116].

Последнее объясняется бывшей экономическо-территориальной и сословной зависимостью части чеченцев и ингушей именно от указанных фамилий, на землях которых те селились в прошлом по причине малоземелья. Встречаются варианты тамг кабардинских владельцев Талостановых, Инароковых. Представитель последних, согласно вейнахским преданиями, иногда выступал как «союзник чеченцев и ингушей». Тамга Талостановых иногда называлась и тамгой шолоховской (шолэхъу дэмыгъэ), потому что родоначальником их был ШОЛОХ. И поэтому «удел рода Талостановых — Тэльостанэй в русских документах назывался Шолохова Кабарда» [89, с. 433]. Среди чеченских и ингушских тамг встречаются и варианты тамг первостепенных кабардинских дворян Анзоровых. Фамилия эта встречается и среди чеченцев. Данный факт мы склонны объяснить тем, что в Малой Кабарде, согласно русским документам 1744 г., рядом с чеченцами и ингушами находились «5 деревень... Анзоровы» [89, с. 115].

КАБАРДИНО-АБАЗИНСКИЕ СВЯЗИ

В частичной сословной зависимости [293, с. 105] от кабардинских феодалов находились и некоторые из «частей абазинцев» [185, с. 116]. При этом можно проследить, какие

абазинские племена и фамилии каким кабардинским владельцам соответственно «принадлежат с давнего времени...» [185, с. 116]. Например, «племени Клычева, Кешева, Дударукова — фамилии Атажукиных; басалбаевцы, бибердовцы и половина Лоовых принадлежат Жанбулатовой фамилии, а последняя половина Лоовых принадлежит Мисостовской фамилии» [130, с. 143].

А в XVIII в. один представитель самого влиятельного рода Кабарды Хаджи Темрук Атажукин «учредил себя над абазинами главным командиром» [130, с. 143].

В перечне абазинских тамг, приведенных в книге Е. Н. Данилиной, — рисунок каменной плиты [58, с. 121] абазинского аула Красный Восток. На плите четыре тамги, и здесь же, соблюдая канон социального символизма в расположениях тамг, автор текста поместил тамгу кабардинских князей Атажукиных над тремя абазинскими тамгами.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРСКИХ ЗНАМЕН

О горских знаменах прошлого в научной литературе практически по сей день нет никаких публикаций. Между тем, как показывают труды Хан-Гирея, Б. Х. Бгажнокова, которые вскользь коснулись этой темы, знамена играли большую роль в сословно-политической, идеологической, военной и обрядовой атрибутике горцев.

Особенно велико было его значение в плане владельческом. Данная работа является частичной попыткой, опираясь на литературные документальные и фольклорно-этнографические источники, рассмотреть эту проблему на материале адыгского этноса.

Безусловно, в своей исторической эволюции стяги имели и государственное, и национальное значение [14, с. 30], но в данном случае они нас интересуют больше всего в аспектах ленного значения. Например, в Русском государстве стяги выдавались «воеводам для похода и для службы, посылались в Астрахань князьям черкесским» [265, с. 11]. Аналогичное владение фамильным стягом бытовало и в Кабарде в средние века, когда «акт передачи ленных владельческих прав...» — по всей видимости — «совершался с соблюдением известных церемоний с особыми внешними знаками или символическими действиями» [14, с. 9].

До 1843 г. слово «санджак» в Турции означало «флаг знамя», одновременно подразумевая «объединение военных ленов» [265, с. 326], позже оно стало обозначением территориальной единицы. Например, у других исторических соседей адыгов —

ногайцев войска каждой орды «разделялись на известное число байраков, то есть более или менее значительных, но неравномерных по количествам людей. боевых частей или дружин. Все знамена этих дружин одинаковой формы и носят на себе знак важнейшей фамилии» [266, с. 15].

Если Русское государство посылало стяги князьям черкесским как символ боевого содружества с элементами подданничества, то аналогично поступало и Крымское ханство по отношению к адыгским владельцам крымской ориентации.

Вот почему в самом начале XIX в. бесланеевский князь Бек Хануков (Кононов. — Х. Я.) имел при себе «султанское знамя, около коего в военное время собираются все подвластные ему народы» [267, с. 35].

В этих ситуациях знамена выступали как символ вассалитета, союза, как сигнал к военному походу и даже как вид поощрения, жалования.

В этой связи существует интересный документ 1641 г., где сказано: «...пришли с тылу на твоих государевых на кумыцких и на черкесских людей, которые были под знаменем у Кельмаметя Куденетовичи Черкасского» [89, с. 204].

Если учесть, что каждый кабардинский князь имел «свое знамя, украшенное родовой тамгой» [166, с. 353], то вряд ли слова из текста «под знаменем» являются здесь обычной метафорой. Скорее всего, речь шла об удельном знамени кабардинского князя Келемета Куденетовича Черкасского.

Этот же метод собирания дружин имелся и у адыгейцев более позднего времени — первой половины XIX в., когда при «совещании на реке Убинеж» [207, с. 4] в апреле 1840 г. было решено «от каждой речки должно быть поставлено 15 всадников под своим особым значком» [207, с. 4], то есть под тамгой соответствующего владельца удела (псухо).

Типичным отголоском стягов родственных племен явился известный национальный флаг черкесского единства, изготовленный во второй четверти XIX в., в пору максимальной [военной централизации адыгских племен в борьбе с царизмом. На этом стяге, наряду с изображением трех перекрещенных стрел — символом мирного сосуществования у адыгов [66, с. 16], помещались двенадцать звезд по количеству «представителей ряда адыгских народностей» [61, с. 36]: абадзехи, бесланеевцы, бжедуги, жанеевцы, кабардинцы, махашевцы, натухайцы, темиргоевцы, убыхи, хакучинцы, хатукаевцы, шапсуги. Последний раз это знамя участвовало во всенародных адыгских торжествах в 1926 г., в селе Афипсип, по случаю празднования образования Адыгейской автономной области.

В прошлом, как известно, традиционными единицами подсчета населения являлись дом (дым), кибитки, котлы

[174, с. 42]. Кроме этих приближенных приемов и существовавших у многих народов понятий: многочисленное или малочисленное войско,— безусловно, должна была быть и более точная форма, дающая конкретное и четкое представление о численном составе боевой единицы. Таким, на наш взгляд, и является слово «санджакъ»—«стяг» (тюркское название). Данное слово могло образоваться из двух частей: «сана» — «число, количество» и «джакъ» — «сторона, часть» и означать строго отсчитанную часть боевой единицы со стандартным размером численного состава, определяемого масштабом соответствующего удела, владельца.

Как многие восточные владельцы имели при своих дружинах стяговников, так и у кабардинцев была известна специальная должность — санджакъщ1эт [268, с. 36], буквально: стоящий под стягом, то есть стяговник. Это позволяло еще издали по вышитому знаку узнавать, какому владельцу принадлежит та или иная дружина. Поскольку известно, что овладение стягом противника или же потеря своего стяга играли большое тактико-психологическое и символическое значение, то стяги имели в прошлом то же значение, что и знамена последних времен.

По этому поводу существовала старорусская пословица: «Язык — стяг дружину водит» [190, с. 175].

В России, например, в XVIII в. одним из подвигов, за который награждались «чрезвычайно почетным и редким орденом Георгия I степени», являлся: «...взятие в бою орудий, а также знамени врага» [269, с. 46].

С подобным почетом воспевается и герой кабардинской народной песни «Кашкатаовская битва» Уардшао Анзоров, поразивший стяговника [268, с. 36] врага.

Так, Хан-Гирей упоминает о рыцарской гибели бжедугского воина по имени Биярках, сложившего голову, ринувшись в середину врагов «с развевающимся в руках знаменем» [270, с. 297].

Стяги со знаками могли иметь множество разных смыслов, например, они могли фиксировать какой-то «родоплеменной признак» [271, с. 231], быть «знаменем командира» или же «могильным памятником» [127, с. 103].

У «аристократических племен адыгов знаменосцам могли быть лишь представители дворянского сословия - бесльэн уэркъ» (беслен-уорк — княжеские уорки.— *Х. Я.* При этом, по словам Хан-Гирея, были в нем «обязанности некоторых фамилий, которые были наследственные, из рода в род переходящие, например: носить на войне знамя: возвещать распоряжения

съездов народу (хгоу), наблюдать во время больших пиров за порядком и т. п.» [270, с. 303].

В исследованиях Б. Х. Бгажнокова установлены их фамилии у двух бжедугских подразделений: у черченеевцев «знаменосцами были уорки из рода Хьякьюи», а «в хамышеевском уорки из рода Лъэпц1эрышэ» [29, с. 75]. Поданным того же Бгажнокова, упомянутый Хан-Гирей — Биярках (Бэракъыхъ — буквально: знаменосец) «был из рода Хьякьюи, о нем сейчас помнят потомки этого рода» [29, с. 75].

Пожалуй, ни на одном предмете тамга так немногозначительна, как на стягах, а позже знаменах. Поскольку слова «тамга», «байрак», «санджак» являются терминами тюркскими, следует полагать, что и в его символе у горцев Северного Кавказа, в частности у адыгов, они носили ту же политико-сословную функцию, что у крымцев, турок и ногайцев.

По словам Н. П. Пожидаева, князя Кавказа, Руси, Европы и Поволжья с незапамятных времен «знамена и стяги украшали наверхшими, которых узнавали издали». «Где узрим стяг твой, тут и мы с тобой» [204, с. 242],— сказано в Ипатьевской летописи 1146 г. по этому поводу. Мы же склонны предполагать следующее. Словом «стяг» на Руси называли «жердь или древко» [272, с. 171], позже, с развитием феодальных отношений и выделением родоплеменной знати, имеющей свою родовую эмблему, герб, тамгу, на древко стали насаживать железные формы этих знаков, чтобы их видели и узнавали. Но опыт военнопоходной жизни показал непрактичность такого метода: они ломались, деформировались в боях, походах и не были настолько яркими, чтобы их разглядеть издали. Их вышитые изображения переносятся на развевающиеся на ветру легкие полотнища материи ярких цветов. Кстати, в эволюции и христианских крестов имеются аналогичные факты — до того, как их стали вышивать на полотнищах, на Руси практиковались кресты, насаженные прямо на древко. С появлением полотнищ древко заканчивается обычным заостренным навершием разной конфигурации. Надо сказать, что появление полотнищ не означало моментального исчезновения символов на древках, это хорошо демонстрирует работа художника прошлого Г. Г. Гагарина: мюрид держит мусульманское знамя, на древке которого укреплен железный полумесяц. Во все времена стяг племени, рода с помещенным на нем гербом, тамгой считался символом чести, иллюстрацией социального статуса. Мы видим — в обрядовых играх образцом доблести и мужества считается добыть знамя, точно так же, как и умение принести обрядовое покрывало «к ликующему народу и

повергнуть на землю» [263, с. 27].

Одной из иллюстративных форм фамильной тамги как герба являются свадебные флаги. Исследователь В. В. Милорадович описал этот факт у карачаевцев, когда участники «брачного поезда везли флаги — байракъ, на которых изображалось родовое тавро жениха над тавром невесты» [257, с. 88].

В обнаруженном нами в Адыгейском областном музее варианте адыгейского свадебного флага тамги брачующихся фамилий размещены рядом. Исходя из работы Б. Х. Бгажнокова, можно полагать, что правая тамга принадлежит роду жениха, а другая — невесте, потому что «порядок размещения (женщина слева, мужчина справа) служил, как утверждают адыги, средством демонстрации супружества» [29, с. 30].

Знамя с тамгой имело большое место в обрядовой культуре горцев, в частности адыгов. Например, при весельях, связанных с возвращением воспитанника от воспитателя, «всадник с зеленым значком в руке скакал, преследуемый сотнею своих сотоварищей, старавшихся вырвать у него из рук флаг» [238, с. 14].

Своеобразное спортивное состязание всадников «для овладения флагом с каймой» [238, с. 14] было характерно на горских свадьбах. На крыше дома или заборе у адыгов в честь «рождения ребенка вывешивали знамя» [159, с. 93]. Элемент хищения знамени и преследование похитителя содержались, например, и в «закрытии празднеств» [159, с. 93], связанных с окончанием пахотного сезона у кабардинцев и у абазин [58, с. 47]. Аналогичный обряд был связан и с борьбой всадников

за обладание ореховым флажком «дежебракъ» [273, с. 115] и у адыгейцев. С большой осторожностью оберегали на карачаевской свадьбе «знамена с изображением тамги невесты и жениха» [257, с. 97].

Несомненно ясно, что во всех этих играх «потерять знамена считалось большим позором» [257, с. 88]. Эти факты доказывают, что все эти обряды, связанные с овладением знамени, есть не что иное, как карнавальная форма памяти былого значения боевых стягов, дошедших до XX в. через посредство обрядовых игр. А специально для победителей распаханый участок земли, железные предметы, изготовленные кузнецом, бывшие «призами самых метких стрелков» [58, с. 47], являются, на наш взгляд, тоже обрядовой формой бытовавших в феодальном адыгском обществе видов платы дворянам за службу — уэркътын, куда входили: «земельный участок» [61] и «оружия» [51].

Из сказанного следует, что слова О. В. Милорадовича о том, что «каждый кабардинский князь, выступая в поход,

подымал свое знамя, украшенное родовой тамгой» [166, с. 353], относится к остальным адыгам, абазинам и также к соседям.

Учитывая место, которое занимали знамена в жизни горцев, в частности адыгов, есть основания предположить, они ставились и на могильные курганы, где позже были что сменены каменными памятниками с тем же содержанием текста. Вполне возможно, что они некоторое время сосуществовали, как это имеет место и сегодня в некоторых селах Терского района Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

Поскольку пока нет ни одного источника, подтверждающего существование могильных плит на могилах горцев XIV — XVI вв., уместно будет предположить три варианта: на могилу умершего клали железную тамгу. Кстати, нашими археологами найден подобный экземпляр, изготовленный из листового железа. Он был обнаружен в могильном кургане этого периода.

Второй вариант, вероятно, состоял в водружении шеста с воткнутым в него навершием, выполненным в виде тамги владельца. Именно такой техникой крепился на памятниках позже и сам символ ислама — полумесяц. Полумесяц со звездой или без нее, выполненный из листового железа и вбитый в навершие намогильного памятника, можно видеть на кладбищах Кабардино-Балкарии по сей день.

Более вероятной нам все же кажется практика водружения на могилах шеста с флажком, на котором с двух сторон еще издали виднелась вышитая или выкрашенная тамга.

Очевидно, об этом свидетельствует Интериано в XV в., описавший похороны у адыгов, «где толпа народа собирается делать над покойником темху» [166, с. 355] (тамгу). Кстати, почти на одной трети намогильных плит, обследованных нами, никаких текстов нет, кроме рисунка тамги.

В средневековую эпоху контуры знамен России, Поволжья, Северного Кавказа, кочевников имели свои варианты, но более устойчивым и характерным из них все-таки является прямоугольное продолговатое легкое полотно с острым симметричным вырезом на конце. Его древнеаланский тип можно видеть в книге А. А. Кузнецова «Очерки истории алан». Этот вариант стяга дошел до начала XX в. почти без изменений. Вполне естественно, при подобном массовом сходстве стягов единственными отличительными признаками могли быть изображенный знак и цвет самой материи. Конечно, решающую роль играло то, что изображалось: тамга, герб, эмблема. Вот почему вместо слова «знамя», происшедшего от слова «знак», нередко говорили «особый знак» [207, с. 4], или «тамги» [207, с. 4]. Кстати, арабское название знамени «гэлэм» имеет тот же смысл: «узнавать, знать».

Стяг являлся непосредственным атрибутом военной походной жизни, и его непременно должны были ставить на могилу не каждого, а только лишь погибшего воина. Это была одна из форм почитания погибших молодых рыцарей-патриотов, и скачки в прошлом устраивались в память погибших «молодых воинов» [189, с. 226]. Кстати, и по сей день флажки в упомянутых районах посвящаются не всем, а лишь только тем, кто скончался в расцвете сил. В прошлом это явление было распространено широко, особенно в период Кавказской войны. «Множество украшающих могилы надгробных флагов обыкновенно белого, красного или голубого цвета трепещутся на высоких шестах» [206, с. 8], — видели очевидцы, посетившие адыгов в прошлом. Поясняя, кому они были посвящены, автор объясняет: «Здесь схоронены лучшие и самые храбрейшие люди Черкесии, погибшие в долгой, отчаянной борьбе» [206, с. 8]. Высота шеста здесь не случайна, она объяснялась необходимостью видеть «родовую тамгу издали» [206, с. 8], ведь по обычаю в честь похороненного полагалось путникам придержать минуту и сделать два по умершему. Для этой же цели у обочин или на развилках дорог ставились поминальные памятники-кенотафы, в отличие от надгробных плит — кхъащхъ сын. Вероятнее всего, переход текста с флажков на каменные плиты и замена этим первых объяснялась, скорее всего, недолговечностью флажков.

Учитывая тонкость надгробных стягов, развевавшихся на ветру, предполагаем, что тамга на них была видна с обеих сторон. Кстати, обнаруженные нами два памятника в селениях Арик и Терекское Терского района Кабардино-Балкарии тоже имеют двойное изображение тамги: на лицевой

тыльной поверхностях, что, на наш взгляд, является генетической связью с текстами флажков, а не конвергентным явлением. Правда, не приходится отрицать и другую его возможную практическую сторону: при порче одной стороны или повала памятника оставался еще и дубликат — на второй стороне.

Популярные состязания со знаменем являлись своеобразными формами выражения «социальных и классовых взаимоотношений» [159, с. 199], способствовали «закреплению торжественно театрализованного» [159, с. 199] оттенка во многих обрядах и одновременно являлись «средством подготовки молодежи к военной и трудовой деятельности» [159, с. 199].

Для того же назначения существовала, например у кабардинцев, игра «ныпыхъ» — похищение знамени.

Как было сказано выше, боевое походное знамя на Руси

до XV в. называлось стягом; адыгами до начала XIX в. оно называлось санджакъ—слово тюркское; в отличие от него у адыгов бытовало и другое знамя с другими обрядовыми функциями. Оно тоже имело тюркское название байракъ, хотя общее название знамени у адыгов — нып. Санджакъ отличался от байракъ. Флаг для конного состязания - баракъ шили «с каймой» [212, с. 60], а на «крыше дома вывешивался красный свадебный флаг» [212, с. 60]. В тамговой практике знамен существовала и цветовая дифференциация. По словам нашего информатора, 73-летнего М. Д. Хатуева, в прошлом у кабардинцев был обычай ставить черный флаг на крыше того дома, где люди умерли от холеры. Здесь флаг-баракъ служил и символом горя, и своего рода карантинным знаком.

Резюмируя изложенное выше, можно сказать, что стяги с тамгой у адыгов выполняли несколько функций.

ВЫВОДЫ

1. Исторически число знамен горцев определялось количеством самих племен на данном этапе этногенеза.

2. В особо драматических ситуациях они поднимали единое общеадыгское знамя — знамя адыгской федерации, так, например, к началу первой половины XIX в. на таком знамени было 12 звезд—по числу адыгских племен.

3. У аристократических адыгских племен часть дворянских фамилий из сословия беслен-уорк обладала наследственными правами быть знаменосцами: у адыгейцев эта должность называлась «бэракъыхъ», у кабардинцев — «сэнджакъщ!эт».

4. Помимо своих знамен, горцам были известны знамена российские, крымские, ногайские, турецкие и т. д., а также различные удельные знамена отдельных феодалов.

5. Знамя являлось обязательным атрибутом в тех случаях когда князь собирал «свою определенную войсковую единицу» [190, с. 175].

Знамена различались и по назначению:

а) политико-сословные — боевой стяг, символ союза, опасности; символ измерения, владения уделом, прославление рода, фамилии, юбиляра; трофей и т. д.;

б) боевые;

в) обрядовые;

г) извещательные — место захоронения воина, траур, карантин, знак для регулирования распорядка труда и приема пищи на коше пахарей (вак!уэ нып); знамя из фундукового ореха (дэжьебракъ) для дирижирования танцорами во время торжеств; знамя для обозначения дома, где идут именины по

случаю рождения ребенка; знамя для обозначения места свалки мусора;

д) знамя как вид поощрения — как жалованье за службу; как приз в спортивных состязаниях; как подарок дому, куда привезли невесту, так называемое «нып хуэпа» — оформленное знамя с нашитыми на него сладостями и безделушками.